

СОБОРИЩЕ 2

Авангард и андеграунд

новой литературы

Скифия

АНТОЛОГИЯ

**Соборище 2. Авангард и
андеграунд новой литературы**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2019

УДК 82. 32
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Антология

Соборище 2. Авангард и андеграунд новой литературы /
Антология — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2019

ISBN 978-5-00025-169-0

Если есть новая литература, живая и современная поэзия – значит есть в ней и авангард и андеграунд – весьма известные поэты, актеры и музыканты, чье творчество не укладывается в рамки основного литературного потока. Очень разные авторы собраны вместе – и это интересно для самого широкого круга читателей.

УДК 82. 32
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00025-169-0

© Антология, 2019
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2019

Содержание

Вступительное слово	7
Анфиса Лубко	11
Я могу объяснить	13
Мы были молоды, а значит, почти бессмертны	15
Единственно верный оракул	17
Смотри на мир, как на любимого мужчину	20
Простить	21
Письмо сыну	24
Мой Петербург	27
Я прошу тебя быть добрей	30
Будь прекрасней цветов да смелей вероломных стремлений	32
Исповедь	34
Джессика	36
Сколько жизни кругом!	38
Гладиатор	40
Брату	42
С твоих рук насущный хлеб и вересковый мед обретают вкус	44
Человек человеку – волк	47
Если вздумаешь обидеть меня, то стреляй сразу в голову	49
Значит, не все еще потеряно	51
Верни меня в детство мое	53
Мне знакомы люди	55
Антон Забелин	57
«Без ожиданий...»	58
«Ласковый голос...»	59
«Вздохнуть и пропасть...»	60
«Довериться взгляду...»	61
«Запредельный звук марша...»	62
«Запахнувшись в знакомое...»	63
«Знакомство вслепую...»	64
«За спиной у мира...»	65
«Роняя колени...»	66
«Обретая надежду...»	67
«Прижатый временем...»	68
«Сладкий образ...»	69
«Качается солнце на пристани...»	70
«Дыханье памятной заботы...»	71
«Забыв нечаянную осень...»	72
«Заката раненый янтарь...»	73
«Неутомимо и печально...»	74
«Мы лежали...»	75
«Рыдающий хохот бурь...»	76
«Неудержимо движется...»	77
«Сорваны шляпы...»	78
«Развенчать ушедшее...»	79
Ника Ратомская	80

«Это такая шутка у нашей Вселенной...»	82
«Голос твой – птенчик в кармане у маленькой феи...»	83
«Собери меня по крупинкам из давнего прошлого...»	84
«Я не знаю, дарят ли розы прекрасным принцам...»	85
Лазарь	86
«Есть под закрытыми глазами...»	87
«Я не буду тебе говорить, как сжигают мосты...»	88
«Я боюсь, что кумиры приподняты...»	89
«Эти редкие встречи – как тонкое пламя свечи...»	90
Сонет № 10	91
«Герой нашего времени» (с)	92
Книга странствий	93
Глава 1. Сахара	93
Глава 2. Кейптаун	94
Глава 3. Индия	94
Глава 7. Хула. Галилея	95
Глава 9. Сахара	96
Глава 15. Джайпур	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Соборище 2

© Мурзич А., 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Оформление. ООО «ИТД “Скифия”», 2019

Вступительное слово

Вступительное. Слово. Которое является первым на неведомые территории.
Звук, наполняющий воздух, проникающий в самую сердцевину слуха.
Беспокойный, увлекающий, ведущий за собой.

Такое слово – слова – непросто найти. Особенно если дело касается столь летучих и, казалось бы, не относящихся к предметам первой необходимости вещам, как поэзия. Или относящихся? – Трудно сказать, что это всего лишь дело вкуса... и, вообще, давайте поболтаем ни о чем и тихонько разойдемся по своим домам, углам, реальностям. Ну правда, кто сейчас читает книги, а уж тем более пишет, особенно если тексты поэтические? Вот раньше были... «Бога-тыри, не мы»[©]. Нынче слова увяли, летят как осенние листья неведомо куда, ни смысла, ни веса, шелест один, да рыжий всполох в глазах.

И знаете что? – отчасти соглашусь. Но по существу – буду спорить.

И если вы со мной – со всеми нами, кто отважился на эту книгу, – вы тоже не согласитесь. Никогда и ни за что. Потому что слово, строго говоря, это то, что невозможно отнять, как гаджет, интернет, рупор наконец. Слово – это все, что у нас есть, чтобы прорвать блокаду чего угодно и выразить, написать, озвучить все сущее – горечь непонимания, накал чувства, груз опыта, тяжесть несправедливости, восторг открытия, трепет сопричастности. И, думается, не так уж плохо, даже рискну сказать – хорошо, что сегодня, здесь и сейчас, прямо рядом с нами проживают те, кто верит в значительность слова.

Какова она – сказать трудно, но ясно одно, пока есть те, кто верят в силу слова и создает миры из слов, делится ими со слушателями и читателями, пока существует связка писатель-текст-читатель (слушатель), можно сказать, что одна из самых верных точек опоры мира продолжает существовать.

Впрочем, лишь очень издалека кажется, что это точка. На самом деле, конечно – огромное пространство, наполненное образами, смыслами, звуками. Самое главное в этой книге – полифония. Возможность услышать очень разные голоса. И это уже работа неравнодушного читателя – не только бегло перелистать страницы, остановиться, если повезет найти близкое, того, кто на одной волне, но и сделать нечто большее – вдуматься, вчитаться в то, что поначалу покажется непонятным, безыскусным по форме или содержанию, или, напротив, сложным, абстрактным, а то и вообще написанным неприлично, что называется, на разрыв. И, пожалуй, только в «Соборище» могут встречаться и прекрасно сосуществовать такие крайности.

Анастасия Мурзич – организатор, «мать “Соборища”», даже когда грустит, всегда находится на солнечной стороне. Ее стихи, вроде бы обо всем понятном – в первую очередь – о чувствах, о восприятии мира через любовь. Но если дать себе труд и внимательно всмотреться в тексты, то за видимой легкостью, продуманной простотой формы, возникает стойкое ощущение большого культурного бэкграунда, смелое на сегодняшний день следование почти классической поэтической традиции с легким послекусием женской поэзии начала XX в.

Анфиса Лубко представляется в первую очередь страстным рассказчиком. Визуально ее тексты похожи на истории, они оформлены как проза (стихопроза). Это именно тот случай, когда автор буквально вовлекает в водоворот слов. Процесс чтения превращается в увлекательное и опасное плавание в шторм – от рифмы к рифме, от одного глотка воздуха к другому.

Существовая внутри текста, постепенно погружаясь в него, читатель понимает, что смысловая и ритмическая составляющие нераздельны. Нужно перестать сомневаться и рискнуть поймать волну.

Антон Забелин в авторском вступлении представляется предельно лаконично, «Поэт». И при прочтении его текстов сложно в этом усомниться, как минимум, человеку, неплохо знакомому с пространством современной поэзии и при этом ценящему точность и лаконизм, гармоничное сочетание резкого, чуждого куртуазности, изящества с честностью и острой завершенностью каждого высказывания.

Ника Ратомская, как говорится на «Соборище», поющий поэт. Поэтому если не довелось пока ознакомиться с ее текстами в исполнении автора, представьте тихий музыкальный фон близости – это важно, потому что стихи Ники удивительно уютны, кажется, что в мире, сотканном из этих слов, нет острых углов, они старательно укрыты, чтобы не отвлекаться на их хищный вид. Сегодня, может быть, вам покажется в чем-то наивным такой миропорядок – какие принцы, розы, боги и экзотическая география? Но попробуйте открыть эти страницы в другое время, когда уже кажется, что мир потерял краски, что уже не за что ухватиться, удержаться. И все покажется иным – тем, что действительно сейчас так необходимо, чтобы не пойти ко дну.

Думается, это отлично, что в сборнике есть, пусть и небольшие, но дающие некие очертания собеседника портреты перед подборкой текстов каждого участника. **Дмитрий Хрусталев-Григорьев** притягивает внимание сразу. Образ на снимке отдаленно напоминает, например, волошинский Коктебель. И пусть только отчасти, но в этом есть доля правды, в смысле содружества мистики и философии, из которого произрастает равновесие накала поиска ответа с глубоко личным пониманием того, что ответ у каждого свой. И, более того, он не всегда есть. Можно лишь поделиться собственным опытом, сказать, а порой и прокричать, прошептать, что каждое умозаключение, каждый кусочек понимания – лишь шаг. И часто стоит осознавать, что путь поиска равен по своему значению результату, который нередко эфемерен и неточен, как и все, что касается сферы внутреннего, человеческого, текучего, уловимого лишь на мгновение.

Кристина Некрасова, в противовес классическому-однофамильцу (да простят меня все, кто прочтет эту, очевидно, избитую до синяков словесную конструкцию, от которой слишком сложно удержаться), непривычно светлый и по-хорошему простой автор, именно из упоминавшейся выше категории «в тот момент, когда весь мир упал вам на голову, откройте эти страницы». Когда, кажется, уже не остается сил дышать, прочтите «Грустьless». Нет гарантии, что излечит, но как минимум вы внезапно обнаружите, что не погибли от удушья, и читаете дальше. Нет, тут далеко не все так уютно и духоподъемно (не удержаться этого «духо-», для равновесия «грустьless» – «духless»), но даже печаль остается смягченной до полутонов, что не лишает ее глубины и искренности.

Александр Щербина – поющий поэт. Его тексты очень городские по сути – чего не скрывает и сам автор. Внутренне наполнение – чувства и ощущения – стоит воспринимать не как стихии, противостоящие антуражу мегаполиса. Напротив, они становятся его частью, электризуются, наполняя вибрацией жизни декорации города. Ни в коем случае не стоит думать, что это тексты-каменные мешки, в которых нет «пространства». Город дышит – это не легкое дыхание бескрайнего простора, но полные значения вдохи-выдохи подразумеваемо замкнутого пространства – переходов, улиц, вокзалов – где почти стерта грань между живой энергией человеческой души и неживой материей. Это город, который слушает колыбельную и в котором, в буквальном смысле из-под земли, прорастает Музыка... Прораст... тает... тает...

Поэзия **Анны Ошариной** не имеет возраста, как любая сказка, ибо сказочные сюжеты – сквозные, в самом прямом смысле: порой они прорывают ткань текста, вырываются в жизнь и снова ложатся на бумагу, прожитые, осмысленные, прошедшие через сердце – например, девичье, например, благосклонное – осторожно и чутко осмысляющее бытие через знакомые с детства, имеющие множество аллюзий, образы. Даже обращаясь к самоубийцам, Анна сохраняет то, что называется «печаль моя светла»[©]. Даже если кому-то подобное утешение как бы и

не требуется... именно как бы... Ее строки вовлекают в добрый в хорошем смысле мир, с тщательно дозированной, осознанной ноткой старомодности, с лукавым взглядом из-под ресниц.

При чтении стихов **Александра Хвана** ощущаешь сбалансированность высказывания, явственно подчеркнутую ошутимым родством текстов с классическими образцами. При этом тексты совершенно не выглядят архаичными, напротив, – это неспешный разговор с читателем на вечные темы любви, памяти, творчества. Редкий повод остановиться, перестать спешить, осознать реальность здесь и сейчас в ее привычном, но от этого не менее всеобъемлющем, смысле. Даже в нотах тоски присутствует странный покой, принятие жизненного опыта, готовность делиться им – не в виде решений, к которым каждый человек должен прийти самостоятельно, но как приглашение к размышлению и осмыслению бытия.

Отношение к жизни, особенно собственной, с иронией, при этом без пренебрежения серьезностью и глубиной поэтического содержания – позиция, которая по плечу не каждому творцу. Для этого нужна и чисто человеческая смелость, и отсутствие страха показаться недостаточно серьезным там, где это необходимо. **Алексей Брындин** отлично справляется с этой непростой задачей. Настолько хорошо, что трудно сказать, в чем тут секрет – в том, что поэт разыгрывает каждый текст как виртуозную шахматную партию, или, напротив, в природном чувстве «стратегического равновесия», из которого гармонично вытекают и тексты, и любовь к «королевской игре».

Хотелось бы отметить, чтобы вы ни в коем случае не пропускали, как нередко забывают о предисловиях, пусть даже и кратких, текст, предваряющий поэзию **Вадима Курылёва** («Электропартизаны»). Лично мне он показался очень емким и верным. Разумеется, это не умаляет веса слов других участников сборника, но, кажется, Вадиму Курылёву удалось осветить одну из граней творческого бытия, обозначить нечто, важное и справедливое для всех. Стихи автора очень современны – в них есть верная нота страстности и романтизма, но совершенно безо всякой наивности. Это реальность, в которой правит стихия воздуха, но не простого, а тяжелого и разреженного воздуха войны духа, полного электричества, древних богов и сбивающего с ног ветра от взмахов ангельских крыльев. И еще – даже во время чтения с листа возникает ощущение музыкального бэкграунда где-то на краю слуха.

Анна Островская не просто поэт, но и арт-терапевт, человек, дающий нам твердую надежду, что искусство – и поэтическое слово в частности – обладает настоящей силой. И это вовсе не легковесный лепет поэтов, к которому не стоит прислушиваться, это объективная реальность. И, кстати, очень жизнеутверждающая в самом лучшем смысле этого понятия. Это не значит, что стихи Анны прямолинейно-позитивны, вовсе нет – в них достаточно непростых вещей, понимания несовершенства мира. Однако – и это очень важно – всегда стоит помнить, что «добрых людей гораздо больше на свете» и на мир будет мудро – хотя бы иногда, хотя бы в порядке эксперимента – попробовать посмотреть с этой позиции. Как минимум, не повредит...

Говорить просто о сложном, улавливать и заставлять хоть на миг мелькнуть в области зримого то, что скрывается в полутонах и полутенях мира вокруг и мыслей о нем, – особый дар поэта и музыканта **Михаила Баша-кова**. Соседство пронзительной грусти и вспышек глубоких, фактически взрывоопасных чувств. Бытовые детали являются как бы преломленными взглядом из другого мира. Напрашивается сравнение с балансированием канатоходца, идущего без шеста и страховки над ужасающей и прекрасной, многоликой бездной жизни.

Видеть светлую сторону вещей, идти по пути принятия в наши дни, наверное, сложно, как никогда. **Наталия Таруса** – поэт, который решается ступить на этот путь. Ее тексты напоминают витраж, прозрачный, пропускающий солнечные лучи, которые легко, обманчиво-нечаянно слагаются в тексты.

Светлана Кутузова однозначно и сразу вовлекает читателя в женственно-женский ритм предельно откровенного по раскрытию чувства и жизненного опыта поэтического мира. Невозможно не отметить очевидную отточенность формы, гармонию внутреннего и внешнего в этих

текстах – как отмечает сама Светлана, писать она начала очень рано и сейчас переживает «третью творческую волну». И волна эта достойна внимания читателя, потому не так много в настоящее время мастеров слова, которые имеют «поэтическую школу» за плечами, понимание важности которой почти утеряно сегодня.

Буквальная легкость образов – в прямом смысле пребывания в стихии воздуха, можно отметить как одну из бросающихся в глаза черт поэзии **Светланы Трошиной**. Однако практически сразу становится понятно, насколько обманчива эта воздушность. Вскоре она видится всего лишь театральным приемом, способом вовлечения в точную по форме и очень зрелую по смыслам поэтическую вселенную. Это тот редкий вид осмысления жизни, когда разговор идет о сложных, близких каждому вопросах, в том числе острых, на спокойной, уверенной ноте. Здесь нет ложного оптимизма, но есть особая сила, способная поддержать, почувствовать себя не одиноким в мире.

Лия Мамедова обозначает важность ощущения себя поэтом. Ее тексты аскетичны, могут казаться простыми и слишком понятными. Однако Лия сразу указывает, что поэзия и размышление (философия) идут в ее творчестве рука об руку. И в данном случае уместно принимать поэтический текст как способ понимания окружающего мира и его явлений, как способ постижения и объяснения, облеченный в лаконичную форму стиха.

Когда тексты являются манифестом энергии страдания как источника творчества, хочется верить в автора как в живое воплощение лирического героя. **Алекс Но** именно такое доказательство несуществующего. Немного страшно думать, что написанное основано на опыте и имеет конкретных адресатов. Вопрос: драматический прием или подлинная персонификация обреченности? Так или иначе, но здесь вполне можно заметить некоторые черты кэмп, как он описан у С. Зонтаг, – обманчивого, болезненного, опасного, как бесконечный зеркальный коридор, не знающего границы между искусством и реальностью.

Мысль о том, что поэзия – сопутствует, является способом передачи знаний, предназначенных для тех, кто способен услышать, или, более того, даже сама по себе является видом духовной практики, – не нова. Но именно с нею, думается, следует походить к текстам **Олега Мичника**. Их форма современна, но без нарочитости. География – как в смысле перемещения в пространстве, так и с точки зрения сознания – обширна. Символьный ряд имеет множество пластов, открывающихся в зависимости от подготовленности читателя. Энергетика – однозначна и неоспорима.

Среди очевидных достоинств книги – достаточно объемные подборки текстов, позволяющие понять, насколько данный автор «ваш», близок ли... И еще – микропредисловия – прямая речь, самопредставление каждого автора – позволяющие лучше понять каждого из них.

Безусловно, стоит иметь в виду, что часть имен более, часть менее известна публике, разная энергетика, уровень владения словом, формой, разные цвета творческой палитры. Есть те, кто уже проводит сольные творческие вечера или организывает свои мероприятия; есть поэты поющие, т. е. для полноты восприятия текста стоит принимать в расчет этот факт. В целом, «Соборище» дает разноплановый и достаточно объективный, актуальный срез поэзии, в плане хорошей возможности познакомиться с авторами, работающими в основном в Санкт-Петербурге, здесь и сейчас, которых можно увидеть и услышать на литературно-музыкальных вечерах, потому что именно в исполнении автора поэтический текст дышит, получая верные акценты, смысловые и мелодические, обретая подлинную жизнь.

*А. Но
Март 2019*

Анфиса Лубко

Петербургская поэтесса, входящая в состав ведущих поэтических формирований города. За плечами у нее множество выступлений – от баров до библиотек и городских фестивалей. Анфиса Лубко отличается от множества современных поэтов своим непревзойденным слогом, подачей, ритмом, экспрессией, а главное – формой стихосложения. Ее форма это не стан-

дартные четверостишия, а необъятные стихотворные блоки, в которых, помимо безудержной рифмы, заключена глубина, мудрость, а также всепоглощающая любовь к слову и вера в триумф духа.

Мое послание к человечеству: будьте добрей, милосердней, обязательно помогайте ближнему и всегда оставайтесь человеком. Человеком долга, слова, поступка. Никогда не бойтесь надвигающейся пучины страстей, ныряйте в нее и из всего сущего извлекайте урок, учитесь новому. К всякому встречному на пути относитесь с теплом, трепетом и лаской, знайте, что каждый из нас – человек величайшего таинства. Больше благодарите. Благодарите жизнь за ее маленькие сюрпризы и большие открытия, и тогда она, несомненно, даст вам больше. Прощайте. Наша жизнь так коротка и неудержима, поэтому тратить время на обиды – совершенно бесполезно. Будьте людьми. Настоящими. С чистым сердцем, добрыми замыслами и поступками. Любите и будьте любимы.

Всегда ваша,
всегда с теплом
Анфиса Лубко

Я могу объяснить

Я могу объяснить, почему выбрасываются на берег киты. Почему так
сладки вишни и почему порой так беспощаден Всевышний и гнетущая
месть его, доносящаяся с небесной мглы.

Я могу объяснить, почему так сочны плоды и терпок сок цедры,
я могу
объяснить, почему властны над нами мечты и почему так сложно
остаться
собой, дойдя до последней черты. Я могу объяснить, почему мы так
трепетны пред пейзажами Родины: когда объаты смрадом зноя
холмы и
когда они под тяжестью снежного покрова склонили свои горбы.

Я могу объяснить, почему от любви до войны есть только песнь
непонимания да расшибленные лбы.

Я могу объяснить, почему одиночеству всегда сопутствуют
алкоголь и
табачные клубы, почему некогда непобежденные становятся в
отчаянье:
несносны, да слабы.

Я могу объяснить, почему ранее наполненные жизнью становятся
покоренными превратностями судьбы, хоть пой по ним панихиду
и укладывай в гробы. Я могу объяснить, почему неприятностей
ров
настигает нас в неисповедимом пути, словно песочные столбы
странников
в степи, и почему мы в страхе и неведении своем – слепы.

Я могу объяснить, почему безобразие всегда держит за талию стан
красоты, я могу объяснить боль осознания, когда ничего не
вернешь назад,
ибо разведены мосты, а глаза ранее тебя ждущих теперь безлики
и пусты,
смотрят не вымолвленным словом страждущим – и видят, как
стали
уродствами лучшие черты.

Я могу объяснить, почему те, что покорили горизонты и оставили
свои следы там, где никто ранее не был, одиноки, как пустырь.

Я могу объяснить, почему в существе своем так грустны
искренние и
чистосердечные, обезумевшие от распятия их душевной наготы.

Я могу объяснить, почему столичные курвы объята пеленой
зависти
и вне себя пребывают от славы и ее сопровождающей суеты. Я могу
объяснить, почему человеческие сердца похоронены под гнетом
отчаяния

и недостатка доброты. Я могу объяснить, почему человек человеку
становится волком и почему людские души порой подобие черной
дыры.

Я могу объяснить, почему в пляске смерти по былой любви
сгорают души,
словно их заживо погребли адские котлы.

Я могу объяснить, почему мы стали подобием коблы, и за нашими
спинами теперь не крылья, а щиты, а поверх нашей кожи – шипы,
чуть
кто попытается быть ближе, мы тут же встаем на дыбы и
наостраем
клыки, заключив этого безумца в кандалы, ибо мы дети,
вскормленные
временем не добродетели, а борьбы. Я могу объяснить, почему не
зарекаются от сумы и тюрьмы.

Я могу объяснить многое.
Но вот себе не могу объяснить
Почему
Из десятков мужчин, что посягают на мои духовные таинства:
реликвии и

кресты,
Почему из десятков мужчин
Мне нравишься
Именно
Ты.

Мы были молоды, а значит, почти бессмертны

Спектры!

И какие сердца наши хранили вопиющие секреты! Чувство было таинством, любовь – Ковчегом Завета. Нам подвластны были и кутежи
и сантименты, мы в объятьях кавалеров стройных были согреты, они
обещали нам дары, сонеты, но исчезали под утро, всегда бесследно.

Мы жили от триумфа до победы, неслись в галактике, замороженные
величием Андромеды, мы познавали себя, ища ответы на вопросы, что
задавала жизнь, даря нам драмы и кастаньеты. Мы были музыкой, нам
нипочем запреты, звучали гулко, словно концерты.

Мы были яркими, сгорали, как кометы: мы, не иначе, хулиганы –
с нами
доски, гетры, баллоны, кеды.

Мы мизантропы, интроверты. Мы были, как фрегаты, в самом сердце
моря прокляты, без компаса и карты. Нам нипочем учения: ни Библия, ни
псалтырь, каждый сам себе Бог, Мессия и вожатый.

Нас не изображали художники, жадно, не щадя мольберты, о нас не
складывали стихов и псалмов километры, но мы вели себя так вальяжно,
как будто нам поклонялись все земные континенты! Как будто о нас хотели
снять полнометражный фильм киношники и это, непременно, стало бы

Оскороносной лентой!

Мы надирались так, что, смутой властвующие, домой возвращались
лишь к рассвету. Мы были победителями и никогда не занимали мы роль
жертвы, мы никогда не плакали, мы радости внимали всей планеты. Мы

вечно искали то, чего, по сути, нету. Мы были молоды и жили
чувством,
что наполняет легкие, а позже становится у виска угрожающим
дулом
пистолета.

Нас радовал один лишь лик любимого лица, возможность петь ему
сонеты,
один лишь лик – все остальные лишь отражения, силуэты. И не
было не
переписок, ни лайков, ни интернета, были горящие глаза напротив
и сердца, полные добра и света...

Мы были молоды – и молодость наша – чаша Грааля, из которой
нам
посчастливилось испить. И эту силу, в грудь заложенную свыше,
никем
не усмирить. Мы, как безумцы, не засыпая, желали ночь
разворошить!
Мы жили жадно и благодарили за каждую роль, которую нам
довелось
прожить.

Судьба, ты если сможешь, позволь мне службу сослужить: сумей
мне
молодость и беспечность, легкость и безупречность в жизни
продлить.
Душа, ты выросла, но эту жажду жизни ничем

Не утолить!

Душа, ты, главное, никогда не переставай

Любить!

Единственно верный оракул

Ему говорили (этакая прорва учителей): будь тенью среди теней
да бесом
среди чертей, одним из сотен тебе подобных: потакающим
согласием,
среди упоенных своим величием речей. Ему говорили: живи для
себя
и перестань любить людей. Ему говорили: забей. Будь
равнодушным,
пройди мимо просящих, каждый, кто нищ, в существе своем жид и
лицедей. Ему говорили: добивай, если кричат «Добей».

Ему говорили: верь обещаниям властей, не перечь, будь тише и
слабей,
тут не жалуют того, кто смакует в талантливое начинание весь
кладезь
собственных страстей. Ему говорили: не люби, а обладай и владей.
Ему
говорили: ты всего лишь фрегат среди кораблей, ты всего лишь
ветвь,
погребенная среди углей,

А не маковое зерно, среди проса.

Ему говорили: не усложняй, ведь все на самом деле просто. Сноси
все
унижения того, кто выше тебя ростом, и нравься тем, кто
пользуется
спросом, подчиняйся головорезам из девяностых, ведь если
ослушаешься,
очнешься с разбитым носом.

Ему говорили: жизнь не райские кущи да не бархатисто-песочный
остров,
ты не можешь жить, как в сказке, радуясь, словно подросток;
подрасти
и избавься от мечты, что под кожей наростом. Ему говорили:
потухни,
как докуренная папироса, ничего не меняй, живи, как живешь, и
не
задавайся вопросами; будь тихим и неброским, будь не огнем
свечи,
а расплавленным воском, не пробивайся никуда со своим
неутомимым
войском.

Идей. И не думай пытливым своим мозгом ни о чем серьезном.

Просто будь никем, незванным гостем в этом мире величественном
и
громоздком. Будь никем. Травинкой. Земли горсткой. Льдом
промозглым.
Будь кем угодно, только не доминантой и не гостом, да не целься
там, где
звезды.

Ему говорили: будь попираемым, а не тем, кто следует вопреки,
не зная
преград. Ему говорили: сиди тихо, избегай почестей и наград, как
бы ни
старался – ты всего лишь выскочка и плагиат, ты всего лишь
подобие,
суррогат. Ему говорили: избегай духовных затрат да поклонись в
пояс тем,
кто разворовал твой град, потакай и внемли им в такт, а не
поклонишься,
ими будешь распят.

Ему говорили: твой друг тебе не друг, твой брат тебе не брат, всяк
тебе
подсыпать в кубок яд, только будет рад алчущий мести и расплат,
а не наградить дарами да сладчайшими из цукат. Ему говорили:
те, кто
любят – лгут, изысканно и в аккурат, ему говорили: священна наша
система да тоталитарный ее аппарат. Ему говорили: коль ты
особенный,
иди сюда, превратим в дубликат, и у виска его бьет набат.

От всех этих советов повеситься можно.

Ему говорили: жизнь – поле боя – испещренный минами
Сталинград, и
Он прислушаться бы и рад,

Да только тошно.

Ему говорили, а он знал: сердце его – лучший оракул среди лиан,
пустынь
да цветущих сакур. И он предпочел быть, а не казаться, и за честь
лез
в агонию и драку, и вместо того, чтобы в клетке быть покладистым
попугаем, был вольной, бунтующей птахой, пусть с подбитым
крылом и
неминуемым, легким страхом.

Он сам себе был Богом, Буддой ли, Аллахом, и только Он мог
знать, что
считать злом, а что благом. Он говорил: «Пусть недолго, но мне
летать с
размахом, а у вас сердца полные тлетворного мрака, там ни
музыки, ни
звука, ни азарта, ни смака, лишь разруха; ваши туши полны праха,
словно
содержимое концентрационного барака.

И вам не смирить безудержный мой сердца порыв под рубахой.
Оставьте в
покое, пока я вас с советами вашими не распял на плахе.

Ибо

Только сердце мое – единственно верный

Оракул!»

Смотри на мир, как на любимого мужчину

Смотри на мир, как на любимого мужчину. Пусть тот, погрязший в череде страстей, пред добротой твоей свою склонил бы спину, пусть станешь светом в сонме призрачных теней. Смотри на мир, как на любимого мужчину, преграды – не порок безумных дней, принять смиренно все невзгоды – на то пусть хватит мудрости твоей.

Справляйся, проживай и мысли, словом, будь мудрей. Рисуя свой мир, словно картину, прости всех тех, увядших в колее несносных кутежей. Ищи покой внутри – вовне не сыщешь, пусть слово – плеть, ты выстоять сумеешь!

Смотри на мир, как на любимого мужчину, заранее простив всех палачей. Усмири рать противоречий, да спрячь мечи, что непосильной ношей стали для твоих плечей. Злом на добро – то участь, ранящая хлеще каторжных увечий да воинственных плетей. Злом на добро – то участь тех, кто сердцем нищ, то участь сволочей,

Чем быть с такими, лучше быть ничьей.

Смотри на мир, как на любимого мужчину: на мир, полный загадок, Атлантис, Гиперборей, пусть тот, кто враз тебя покинул, найдет иных поводырей. Смотри на мир, как на любимого мужчину, даже тогда, когда его объятья душат пуще отравляющего газа концлагерей.

И вот тогда,

Когда объятья мира душат,

Люби его

Еще сильнее!

Простить

Я могу простить все сердечные обиды, остроту, желчь, лозунги.
Простить
удары розгами, простить, как земля сырая и промозглая,
покоящаяся
под куполом небесным, под мглой и звездами, прощает солнце
грозами,
сменяет муки грезами, бархатные лепестки шипами – розы
оставляя
розами. Простить всех тех, кто шел ко мне с угрозами, простить
оставшихся в душе занозами, простить стихами, прозой ли.

Простить, не зная упреков, исступленья, любить, не веруя в
возврат —
пусть те слова, что внутри наростами, в огне прощения сгорят.

Я могу простить и непоколебимое дерзновение, и исступленный
взгляд.

Простить, пусть и меня простят. Простить за сиротливое
безмолвие того,
кем был распят, простить за желчь и яд всех тех, кем, как агонией,
был
объят и просто бежать от них,

Бежать со всех пят.

Простить, не ведая мести и расплат.

Простить и нищету бетонных плат, и алчность тех, кто
разворачивает
священный град; простить за муки солнца, за непрекращаемый
град,
простить всех, кто как из пушки по сердцу палят. Простить мечи
и плети,
что голову с плеч разят, простить ушедших, что нутро

Проводкой памяти коротят.

Я могу простить за не любовь, за все препятствия, за муки совести,
за
обстоятельства, простить за праздное лицемерие празднества,
простить за
осторожность, за муки паперти и предательство, простить за
недодружбу и
переприятельство.

Простить без повода, дабы любить до беспамятства.

Простить за простоту, за таинство, за непонимание и неравенство,
простить и доблестного солдата, и его бесчинствующее воинство,
простить
жестокость, варварство, простить за самое дерзновенное качество,
простить серьезность и чудачества, за безответственность и
хмельное ее
изящество, простить и стереть все.

Начисто.

Я могу простить нелепую осторожность, гнетущую ревность,
непоколебимость, сложность, простить за каждую упущенную
возможность, простить и принять как непреложность. Простить за
жалость, невозмутимость, безбожность, простить за
сквернословие и
непокорность, простить за невымоленную нежность, за неприятие,
ненадежность.

Простить за ревность, за легкую небрежность, за сонмы
несбывшихся
надежд, что подарили безмятежность.

Я могу простить.

И провести черту под всеми своими «прощай». Простить, чтобы
больше
не было «жаль», я могу простить за каторжную боль и
непримиримую с
нутром печаль,

Простить и заново начать.

Простить и заключить в объятия палача. Чем муки памяти на
своём
хребте волоча, сныть в неприязни и обиде, скулить и кричать,
необходимо
прощать для того, чтобы обида на лице сердце лишь пятно, а не
печать, не
смела более ныть и докучать, простить за все слова, что не
смолчать!

Я могу простить петлю на шее и даже судороги удушья,

Я могу простить все

Кроме равнодушия.

Письмо сыну

Мой милый мальчик, когда ты вырастешь, ты будешь большим и сильным,

но сперва осознай силу, что в груди твоей заложена, ведь она

Всеобъемлема и глубока.

Прекрасные девы будут чаровать тебя, но будь мужественен
совладать

с соблазнами, что уготовила для тебя судьба, и предпочти самую добродетельную из дев, а не заложницу своего греха.

Пусть по жизни тебя ведет незримая тропа, знающая желания твоего сердца и духовного естества. Помни, что самая главная и решающая

борьба разворачивается внутри тебя, – никогда не переставай бороться за

ценности и свои права.

Да помогут тебе небеса.

Пусть в пути тебя сопровождают надежда, любовь и доброта, пусть человеческие сердца для тебя будут, как океан, в котором ты находил бы

глубоководные желоба, что удивляли и наполняли бы тебя.

Пусть твоя добродетель не знает дна, пусть она будет в груди твоей заключена и поступками воплощена. Будь справедлив и силен, не допускай, чтобы человеческая слепота управляла тобой.

Не допускай, чтобы твои глаза объяла невежественности пелена.

Не

допускай жалости к себе и нытья, больше благодари, ничего не бойся и

верь в себя.

Да поможет тебе сила Вселенского волшебства.

Ты знай, что бы ни происходило – все не зря, обрамляй наследие духовного поиска в силу творчества, не поддавайся на трусость, алчность и

несправедливость человеческого забвения.

Путешествуй по всему миру, в поисках своего начала и Грааля

нравственного бытия. Но помни: ты никогда не увидишь целого мира, если в твоём сердце не будет красоты и боли всех его проявлений. Чувствуй, как природа говорит с тобой – всевластна и нема. Пусть попутный ветер благоволит и служит на благо твоих стремлений.

Помни, жизнь – величайшее приключение, в котором ты можешь быть разным, в каждом новом прожитом мгновении, но оставайся собой – ведь из всех твоих воплощений

Это лучшая роль.

Уповай на силу Божественного провидения, но и сам, не требуя признаний и почтений, твори добро и делай все из лучших побуждений.

Человеком управляет бездна вожелений, внимательнее и со всей ответственностью подбирай себе влечения. Помни, сквозь череду падений, попыток, откровений рождается талант, вскармливается духовный гений.

Слава и успех приходят сквозь череду смятений.

Не губи мечту своего сердца хладнокровным мечом ума, помни, в чем живет твой талант, помни и «корми» его сполна. Пусть любовь твоя будет обеспечена, а не обречена, пусть сила твоя будет с мужеством обручена,

Да поможет тебе сила Космического сумрака, забвение звездной бездны, полное чуда, полыхающего кострами небесного серебра.

Прими всю мудрость, что хочет дать тебе судьба, прими ту жизнь, что тебе предначертана, но находи в себе силы судьбу свою, как резвого коня,

С лихвою обуздай. Пускай тебе откроются истины бытия – ты главное помогай, дай неимущему хлеба, крова и добра, дай правды ищущим и никогда не суди, клянся. Лишь поощряй, любя.

Пусть вся твоя жизнь будет духовным светом озарена. Мой сын,
будь
верен правде, той, что внутри тебя. Выходи достойно сквозь
испытание
огня, пусть он не посмеет обуглить и сжечь, а лишь раскалит тебя

На новые свершения.

Пусть та, что неприкаянна, с тобою оживет сполна, пусть мысль
твоя будет
не истасканна, а величественна и мудра.

Не унимай жара в груди, отправляйся на поиск неизведанного,
нового,
особенного полотна, кем бы ты ни был, главное, чтобы вера в твоей
груди была заключена, оберегала и наталкивала на поиски
сокровища,
сохранила для тебя во мраке лучину костра.

Сам будь огнем и из кокона удушающего выбирайся с легкостью
мотылька.

Благодари, и жизнь будет к тебе щедра. Да поможет тебе власть
звездного
неба, полыхающего кострами Божественного торжества.

Пусть твоя жизнь будет преисполнена светом, пусть в ней будет
достаточно
доблести и добра.

С любовью. Мама твоя.

Мой Петербург

Питер, ты один такой, не сыскать тебе брата-близнеца, объятия твои —
обитель для вольного рок-н-роллящика, почтенного поэта и бездушного
чтеца. В тебе что ни слово, то величие и мудрость, будто сошел ты из —
под пера Творца! В тебе помпезность залов, роскошь комнат, величие
каждого дворца совмещены с унылой скорбью серых зданий, с мрачным
отражением тоскующего лица...

Ты, Питер, услада, Богам и льстецам – ты прорва благодетели,
нравственности и безумства для каждого ныне живущего тут святоши и
подлеца.

Гранитные набережные омывает с почтением Нева,

И нет в мире ни лицедея, ни иноверца, коему бы этот город не запал
бы в сердце, Петербург всякого примет, всякому предложит сказку и
приоткроет дверь в детство, всякого зачарует своей утонченностью и
хмельным кокетством.

Петербург – это отличное место для поиска себя.

Тут Кто-то находит славу, творя, обретает бессмертие, свое дело, неистово любя,
Кто-то просто лишается невинности на Думской, тусуясь до утра, а Кто-то постигает суть мироздания с помощью книг или наркотического снадобья.

Кто-то обретает нечто более ценное, бродя допоздна по тропинкам своего
города, когда аллеи его посетила весна и в воздухе царит благоухание
каждого лепестка, Кто-то в поисках своего места в мире, а Кто-то, пьяный
и нищий, не имеет ни кола, ни двора...

Все мы немного одиноки в этом городе, нам всем порой самое главное

изречь – не по словам. И оттого в сердце дыра.

Тут дни не провожает медная заря, но встречает надежда на чудо
нового
дня, встречает с мечтой, что умирает до его конца. Я планирую
остаться тут
на века – Питер – красивое место, в этом городе я не родилась,
но я бы тут
умерла...

И если ты однажды влюбился в этот край, то знай – это навсегда.
Петербург – незабываемый друг, его из сердца не выдворишь

Никогда.

Хочется, чтобы был только закат, гитара, крыша и мои друзья,
чтобы
смеяться от души, петь песни до утра и философствовать о
сотворении
мира, о канонах нравственности и о противоречии бытия.

А может, в этом городе Кто-то ищет именно меня...

Я этого не знаю. Поэтому, пока я в баре, в дрова, поддаюсь усладе
кутежа,
я, кстати, почти всемогуща, когда пьяна. Тут каждая женщина, по-
своему,
пытается мнить что-то из себя (без обид, ну разве я не права?), на
ее сердце
непробиваемая броня – до первого романа, до первого мальчика,
что
объятиями своими растопит плотины ее льда...

Тут в каждом юноше – воплощение кокетства, мужества,
хмельного угара
и баловства, соединены с толикой спеси и добра, тут каждый, по-
своему,
храбр,

Если выпил до дна.

Первое правило Питера: если тебе грустно, садись в первый
попавшийся
автобус, уезжай

В ебень!

Второе правило: Если ты выпил в баре с кем-то, значит, вы уже
кореша!

И самая главная заповедь: если пьешь, то пей до последнего гроша,
если
любишь, то люби до самых глубин, до постижения себя!

Тут, в Питере, да, впрочем, как и в целом мире, у каждого из нас
одна
мечта: чтобы на том конце города Кто-то крепко прижал лбы наши
к
своим щекам, с лаской и трепетом взглянул бы в глаза, чтобы ночь
с этим
человеком длилась вечно, как вино в бокал текла, не спеша, и
чтобы никто
наслаждаться моментом не мешал...

Все мы об одном мечтаем, еле дыша:

Чтобы на том конце города

Нас

Кто-то

Ждал!

Я прошу тебя быть добрей

Я прошу тебя быть добрей, даже прошу быть милым. Унеси не больше, не меньше в своей горсти, унеси, сколько необходимо. Свою сущность как непреложность прими и постарайся наконец быть счастливым! Именно так прошу, будто нет и не было никогда иной альтернативы. Пусть вокруг беспощадный лесной массив и мир лицемерный и лживый, я прошу тебя быть добрей,

Я прошу тебя быть справедливым.

Я прошу тебя быть смелей, быть смелей – это лучшая перспектива. Я прошу, доискивайся до правды из последних сил, доискивайся умом своим пытливым, я прошу тебя быть мужественным, учтивым и брать «свое» упорством строптивым.

Я прошу тебя быть красноречивым, чтобы слово твое лечило, чтобы ты смог и распять, и вытащить из могилы. Я прошу тебя идти на компромиссы и не быть неумолимым, я прошу тебя помнить, самое главное – всегда незримо, самое главное мы теряем в обязанностях рутинных. Я прошу тебя, не переставай мечтать – твоя мечта всесильна, и когда ты мечтаешь, ты неуязвимый!

Помимо полотна твоего сознания – нет в мире лучше шедевра, нет живописней картины. Я прошу тебя не осуждать того, кого без суда считают повинным, я прошу не скрывать сердца порывы и быть искренним со мной – быть открытым, быть целиком, ибо нечестно быть наполовину.

Я прошу тебя не уходить без весомой причины.

Я прошу тебя не сдаваться, даже когда хочешь бросить все, мукой томимый. Я прошу не доверять бессердечным и льстивым, пустым и хвастливым, не бойся нырять и бороздить таинственные и неизведанные

глубины. Я прошу тебя, будь упорным. Быть упорным – не значит
быть
резким и спесивым, я прошу тебя

Быть любимым.

Я прошу тебя, будь добрей. Только это сделает меня счастливой.
Оттого,
что ты добрей,
Ты такой красивый.

Я прошу тебя, будь мудрей.

Я прошу тебя, будь

Мужчиной.

Будь прекрасней цветов да смелей вероломных стремлений

Нева лижет каменные берега губы, дождь окропляет величие
мраморных ланит. Прохожие продрогли, скалят зубы, лишь
покорен и
постоянен серый питерский гранит. Мне сего торжества виды
любвы: от
Петропавловки, чьи бархатисты песчаные дюны, до ассамблей
дворцов и
храмов, сей чувствуется помпезный колорит.

Отстоявший сотню битв, покоится на берегах Невы мой город, что
благороднее и искренней молитв. Тот, что Петром воздвигнут да
всякого влечет, словно магнит. И пусть сей край прокурен да
пропит,
я восторгаюсь мудростью, заложенной в каждый его монолит.

И из-под подступи серого смрада мне шепчет Нева:

«Будь прекрасней цветов да смелей вероломных стремлений. Будь
красивей, чем музыка, что из филармоний звучит. Не ищи
оправданий да
утешений, не смакуй кладезь веских причин. Живи здесь и сейчас,
пусть
не уязвит тебя клинок отчаянья, да меч сомнения пусть голову
с плеч не
разит! Пусть печаль не обуглит стремления, пусть надежда
животворящим
потоком бурлит. Принимай все дары, кои жизнь тебе сулит.

И из всех существующих в мире мер и величин – предпочти
обитель
сердечных глубин. Только тот отдает по-настоящему, кто дарит
последний
воды глоток из кубка, в кой душу излил.

Только тот достоин любви, кто за нее боролся из последних сил да
напряженных жил.

Будь прекрасней цветов да смелей вероломных стремлений. Будь
огнем
да сияй ярче небесных светил! Остаься с тем, кто все на алтарь
любви
возложил, кто сложил шпаги да мечи, кто заведомо тебя за все
простил.

Будь прекрасней цветов да смелей вероломных стремлений. Лишь
любовь
тебя сможет спасти. Отдавай все, без права обрести. Чаше сей
семена
добродетели, что в груди окружающих способны в прекрасный
росток
прорасти. Сумей оставить то, что бежит от тебя, не тоскуй,
отпусти. Пусть
благородны да деятельны будут твои пути.

Пусть бушует, как океан, радостное, молодое сердце в груди.
Любую ношу
сумей покорно снести, останься человеком да всех, кто желал тебе
зла,
отпусти.

И тогда, на последнем, иступленном дыханье останется только
вздохнуть да

Покорно уйти».

Исповедь

Как бездомный путник я, в скитаньях без возврата, иду из края в край и от костра к костру: я в каждом юноше ищу родного брата, я в каждой девушке приветствую сестру.

Я умиляюсь ростку, покачивающемуся на ветру, воздаю славу ветру, солнцу и безмятежному кораблю, что в Океаньей пасти, как в плену. Я лелею мечту, поклоняюсь кресту, за все дары, что любви и милы моему нутру – благодарю.

В людях ценю искренность и доброту, порой за честь сочту признать ценней всех даров – откровение да простоту. Свет и тьму, забвение и тоску – все принимаю как урок, порой как игру. Воспринимаю все как наилучшее и никогда не клянусь судьбу.

Если до слез, то люблю, если без чувств, то скорблю. Чту свою историю и свою страну, и если плачу – значит чувствую, что

Живу.

Не терплю алчность, лицемерие и суету. Думаю, что за любовью и преданностью можно пройти хоть версту – хоть в зной, смрад, хоть в жару. Всегда подвожу черту под всеми своими «прощай» и если ты однажды ушел, знай, обратно не приму. Хоть за все смиренно прошу.

Иногда бывает совсем не вмоготу, тогда я молюсь и молю. Я об одном всегда прошу: чтобы не знать хворь да не пройти войну. Чтобы всегда только мирное небо над головой, а рядом люди, которых люблю.

Признаюсь честно, я знаю все о грусти, я изучила от сих до сих беспощадную тоску, ее молчаливое покровительство да покорную немоту. Чувствую в собственных слабостях только свою вину.

И в минуты забвенья, когда дождь окропляет листву, я наконец
понимаю
чего хочу:

Хочу, чтобы был только лес да густые вечнозеленых деревьев
кроны,
и у подступы его холмов – серебристые да величественные горы.
Хочу
просыпаться и, полусонной, вдыхать воздух морской да привкус
соленый.

Хочу просыпаться любимой и влюбленной.

Хочу чувствовать единение с блаженной землей, сокрытой от глаз
людских, пожелавшей остаться неназванной, потаенной. Чтобы
был
только прибой да журчание водоема, чтобы ненавязчиво волны
касались
моей персоны скромной. Выйти бы к морю, пройтись по песку
ночью
темной, прокричать во всю мощь долине бесплодной, быть
босоногой да
румяной, в ночи бессонной.

Созерцать блики солнца у прибоя, осознать, что вся сила в
простоте, без
званий, корон и тронов. Вот так лежать, распластав руки на песке,
не
дрогнув, оставив алчность, скупость, сдать мечи да патроны. Все
в себе
принять, и лучшие черты и препоны, и пока утренней прохладой
дышат
деревьев своды,

Поблагодарить жизнь за ощущение полной гармонии.

И, наконец, осознать чувство

Внутренней свободы.

Джессика

Джессика танцует, и стук ее каблуков, отбивающих пол, звучен и дерзок,
как ассамблея лучших стихов. Она словно нимфа из снов изголодавшихся
по женщине моряков. Она танцует, и мне, право, не хватает слов,
рвется
наружу сердце, некогда запертое на засов. Ее всяк пустил бы в свой альков,
и джентльмен влюбленный и гладиатор и даже священник, что стоит на
страже Богов,

Но она танцует в хмельном угаре кабацкого застолья, потерявшаяся
где-то посреди миров, танцует для пьяных, безнравственных мужиков,
заблудших в этот край, избавившись от оков, она танцует для лицедеев и
дураков. Стрелка часов

Показывает: Двенадцать ночи. Она снимает каблуки, отталкивает от
себя омерзительных и пьяных мудаков, стремящихся достать купюры из
кошельков и предложить ей воплотить с ними весь спектр сексуальных
грехов. Джессика получает пару неблагодарных шлепков от этих чудаков и
спешит собраться домой, в свой кров...

По пути из бара до дома она видит мост, что настолько высок, что едва ли
не касается облаков. Джессика взбирается на него и, взобравшись, пишет:

«Прости меня, мама, я желала в этом краю обрести любовь, а встречала
лишь обманщиков и скотов. Мечтала о торжественном, благоговейном
звуче фанфар и меня встречающих колоколов, мечтала о сцене и шла на ее
зов, но меня приветствовал лишь гул бесчинствующих мертвецов.

Самое время простится, мне более не хватает стрóf...»

Джессика делает шаг и сбрасывается в бездну, чувствуя жар погребальных костров... Ее находят через три дня мертвой, где-то на окраине, среди смрада зловонных песков, среди чистилищ и Богом забытых городов...

Но я-то точно знаю, что где-то на периферии миров она все так же танцует свой танец и на паркете остаются отпечатки ее следов... Я-то точно знаю: где-то на периферии миров, она обрела свою любовь, не встречая обманщиков и скотов. И где-то там, так же посреди миров

Для нее звучит торжественный и благоговейный звук фанфар да колоколов. Она повелительница сцены, ибо всегда шла на ее зов.

Но это реальность

Где-то там

Посреди миров...

Сколько жизни кругом!

Под моим каблуком целый мир покоится – многогранен,
многолик,
невесом. Сколько жизни кругом! Философии, которую не обуздать
ни под
хмелем, ни под коньяком, ни под терпким ромом, ни под
наркотическим
табаком, сколько жизни кругом, что пленительней всякого сна, что
необузданней, чем фантазии под косяком.

Откровения мне в руки вверены, я могу рассуждать и про любовь,
и
про Содом, леса гремучие мне по колено, мне по мускулам усладой
разливается малиновый стон! Создание этого Мира, Богу,
несомненно,
удалось! Но наверняка с превеликим трудом.

Ведь сколько жизни кругом!

Хочется отправиться в горы с рюкзаком, взять в спутники лишь
солнце,
и идти, с ветерком, хочется, чтобы свет закипал топленным
молоком и
чтобы ласково струились сквозь облака златокудрые лучи,
отпущенные
с поднебесья Богом, и все благоухало кругом. Хочется
почувствовать
единение со своей землей, как будто каждый лепесток и лик леса
был мне
ранее знаком.

Посмотри, обернись, ни гроша не стоит тоска, коей ты заклемен,
понаблюдай за водной ряби переливом, пройдишь по нашим полям
бескрайним босиком, понаблюдай за величественным лесным
массивом.

Он тоже, знай, в тебя влюблен!

Ты распластай свои объяття миру, коль в этот мир судьбой ты
приглашен,
будь добродетельней и лиру свою ищи во всем, что видишь ты
кругом!
Будь милосерднее, добрее, и никогда ты не жалеи о том, что был
влюблен,
пылал неудержимо, как будто Бог пригрел своим крылом! И
никогда ты не

жалей о прошлом, ты не тоскуй, упиваясь, о былом, ты в настоящем – и в этом счастье! Взгляни же ты.

Сколько жизни кругом!

Взгляни, как бесконечна красота природы. Ощути, как ненасытны рассветы, дурманы-восходы, посевы и их всходы, томление солнца, свежесть грозы, как прекрасен космический сумрак и пламень падающей с неба звезды!

Взгляни, как прекрасны и хвои и березы, и скромные ромашки и пряные розы, как чист и свеж воздух, как ненасытно щебечут птицы и стрекозы, посмотри, как трепетны влюбленных лиственниц грезы, насколько ласкова капля росы, капля, что упоенно наслаждается лепестком.

И ты – часть мозаики в пазле мировом.

Посмотри, как горы наслаждаются на шапках своих снега серебром, как будто Бог драгоценную пыль смахнул с небес своим величественным рукавом.

Да посмотри же ты,

Сколько жизни кругом!

Гладиатор

По мотивам фильма «Гладиатор» Риддли Скотта

Идущие на смерть приветствуют тебя, ликуй, ликуй, Владыка!
Воинам
дробит кости сумасбродная тоска, бесчинствует беспощадная
битва.

Лезвием глотки рассекает бритва. Гладиаторы умирают тихо на
пьедестале
поруганного бытия, в последнем бою, под шум арены, внимая
безумству
восторженного крика.

Идущие на смерть приветствуют тебя, оставившие свои семьи и
молитвы
для святого лика, идущие на смерть, те, чья судьба отъявленна и
дика, те,
чья судьба без Бога и креста проносится в бою, короче мига.

Догорает безмятежное зарево, промелькнет луч света в
обреченных на
смерть глазах, а завтра новое утро, новый бой, а завтра все заново:
влачить
тяжбу палача да плоть воинов на мечях. В груди сердце замерло,
дай в
последний раз осмотреть, как кровью залило

Низверженный Рим, которому предстоит еще в огнях
погребальных
истлеть. Догорает безмятежное зарево в сумраке багрового
румянца
закатного, Бог поделится с усопшими новым знанием да отмолит
грехи,
снизойдет благодатью – таково оно, с миром прощание.

Гладиаторы, падшие, останутся в истории лишь неоправданным
ожиданием, не сольют для них священные изваяния, они
останутся навек
лишь Божьим подаянием, припавшим к земле замертво.

Он так и останется Генералом названным, что тяжбами боя
изнурен.

Но, быть может, это свобода от этого мира – он погиб, а значит – он
освобожден. Сильнейший из всех существующих воинов,
Гладиатор,
миссия пытливого нрава, скорбь времен, знай, ты даже смертью не

покорен!

Ибо что смерть тому, кто
Заживо

Погребен...

Брату

Я знаю, брат, тебе нравятся златокудрые и длинноногие, стройные
станы, души босоногие, жемчуг кожи, нежные, черноокие,
кокетливые и
высокие. Я знаю, тебе нравятся женщины, что в мыслях глубокие.
Сердца
многоликие...

Может быть, в женщине – самое главное – глаза? Чтобы были
темнее
сажи и пленяли тебя? А может, главное, чтобы они сияли как
океанской
глади бирюза?

Может, самое главное, чтобы она горела с тобой, как свеча, давала
вдохновения и чтобы пленяла ее красота? А может, в женщине
важна
обывательская простота или просто скромность и чистота, чтобы
свет
очага, ухоженный дом, теплая ласковая рука, которая приласкает в
минуты тоски и даст чуда и добра?

А может, лучше пусть бессовестная курва, развратная бестия,
воплощение
сумасшествия, все соки источит из тебя, зато ее стан подарит тебе
ночи
сексуальных перверсий, после которых ты и сам бы стал
воплощением
бесчестия!

А может, главное, чтобы она была твоей веры, социального статуса
и вы
совсем не различались конфессиями? А может, к черту теории,
просто
необходимо сыскать равновесия?!

Главное, брат, чтоб, когда повсюду смрад и суета – тебе уютно с
ней и
чтобы только тебе одному была вверена сердца ее нагота!

Брат, пусть твоя женщина засыпает и просыпается с именем твоим
на
устах, пусть ценит тебя не за карат на перстах, а за твое
обнаженное
естество... Пусть будет добродетельна, ласкова и проста.

Главное, чтобы тебе было хорошо с ней, чтобы она просто была
отражением тебя... И когда ты спрашиваешь у меня: «Какова
женщина
мечта? Как понять, моя ли она навека?» – Я отвечаю:

Главное,
Чтобы с женщиной
Ликовала
Душа!

С твоих рук насыщенный хлеб и вересковый мед обретают вкус

Марсель пишет письмо. Его морщинистые пальцы выводят буквы,
словно,
каждая из них – произведение каллиграфических искусств. Он
пишет
нервно и суетливо, слышит шелест бумаги и дров в камине хруст,
Марсель
знает, времени осталось мало и нужно поскорей избавиться от
слов, что на
сердце его – тяжкий груз. Марсель пишет:

«Дорогая Бетти.

С твоих рук насыщенный хлеб и вересковый мед – обретают вкус.
Всю эту
жизнь я был слеп, шел на ощупь, думал, не ошибусь. С твоих рук
даже яд
полезнее, чем гроздь ягодных бус. Сладше елая речи, что снисходят
с твоих
уст. И как знать, кто сейчас делит с тобой постель и восхищается
красотой
твоих блуз.

Всю свою жизнь я был пуст – я старый романтик, все время
ждуший
взрыва новых эмоций и чувств. Ранее меня прельщала бездна
вожделений
и безумств, я, алчущий свободы, не желал ничего, кроме кутежа и
безрассудств, и потому меня настигала кладезь смятений и
духовных
буйств.

Все мои женщины, клянусь, были прекрасны: они покорно ждали
меня, и
светлая грусть в их глазах была неподдельна, я думал, собрав подле
себя
всех своих муз, буду счастливей – я ошибался. Только ты мой
козырной туз.

Бетти, ты понимала меня и принимала мои противоречия, говоря:
«Я не
боюсь», ты была мудра и красива, и, встретив тебя, я знал: не сбегу,
не
спасусь. В бездну сердца твоего окунусь и, проснувшись в твоих
объятиях,

буду необъятно счастлив, если на счастье решусь.

Как ты понимаешь, я не решился на счастье с тобой – от того и бешусь.

Быть с тобой не зарекусь, ибо я гораздо меньше того человека, которым кажусь.

И ни в мужья, ни в добрые друзья тебе не гожусь.

Я уже стар. Я умирающий, бесцельно проживший жизнь трус, но если есть

Мессия или Иисус, то я молюсь:

Пусть, пусть

Бетти прочитает это письмо, за которое я берусь.

С твоих рук засушенный хлеб и вересковый мед – обретают вкус.

Ты и ладан,

и мускус, и поцелуй бриза и змеиный укус. Всю жизнь я боялся быть с

тобой и сейчас, признаться, боюсь. Я умираю, любимая, но борюсь,

Пока борюсь.

Когда мы встретились, я не подумал бы, что на целую жизнь в тебя влюблюсь.

Заезженная пластинка, черный проектор, дельта блюз, ты облилась вином,

а я смеюсь. Небо, полное звезд, и я безвозмездно тебе отдаюсь.

Нет, ни на

кого в жизни не обижался, а вот на тебя и себя – безумно злюсь...

Я умираю, любимая, умираю, дописывая это письмо. Как жаль, что я не

стал для тебя чем-то большим, чем набором букв, с которыми я вскоре

сольюсь.

В этих строчках мое тебе покаяние.

Я буду любить тебя, даже когда вознесусь».

Марсель написал письмо. Его морщинистые пальцы выводили буквы,

словно каждая из них – произведение каллиграфических искусств.

Он

писал нервно и суетливо, слышал шелест бумаги и дров в камине
хруст,
Марсель знал, времени осталось мало, и ему необходимо было
поскорей
избавиться от слов, что на сердце его – тяжкий груз.

Марсель умер. Его сгубила старость или неведомая хворь, что
тяжелее
всяких обуз...

Бетти читала письмо и на строчке: «С твоих рук насущный хлеб и
вересковый мед – обретают вкус», поняла, что сердце ее объела
вселенская грусть, сонмы памяти стяжали ее старческую грудь.
Читая
письмо, она шептала: «Не умирай, останься, позволь я еще хотя
бы раз к
тебе прижмусь».

Но даже любовь не возвращает с того света тех, у кого более не
прощупывается пульс...

И теперь

Слова из письма,

Каждую ночь

Бетти будет выплакивать

Наизусть...

Человек человеку – волк

Ты говоришь: Человек человеку – волк, варвар, черная дыра и полость.

Человек человеку долг, злодей, смрада кладезь, вопиющая подлость!

Человек человеку – враг, горный отрог зловещий, безысходность!
На время вещь и ртутная помесь.

Нет! – Я тебе кричу: человек человеку – друг, брат и совесть.

Человек

человеку – музыка, тишина и повесть. Теплая обитель, родной дом,
невесомость.

Ты говоришь: Человек человеку – сплетня, вражда и пошлость.

Человек

к человеку лишь от того испытывает интерес и склонность – лишь бы не
остаться одному – такова реальность.

Нет! – Я тебе кричу: человек человеку океан, откровение, кротость.

Человек человеку – милосердие, добро, беспечность и

Возможность.

Человек человеку – нежность, аргумент, мудрость и непреложность.

Человек человеку – постоянство, теплый ветер, таинство, постичь, которое – величайшее счастье и, одновременно, сложность.

Человек

человеку – чувство, дружба,

Космос!

Ты говоришь: Человек человеку – хищник, жестокость, всего лишь еще

один вызов – ничтожность!

Нет! – Я тебе кричу: человек человеку – теплый морской бриз, противоположность, отражение лучших черт, нравственность, духовность.

А ты говоришь о человеческом несовершенстве лишь от того, что внутри

тебя самого – косность. У тебя, что не сравнение человеческих черт, то

войско головорезов из девяностых. А ты приглядишься к человеку —
у каждого ведь своя мерность.

Но одно я знаю точно – человек человеку плечо, любящее сердце и

Нежность.

Человек человеку – Бог, дом, безмятежность. Человек человеку —
противоречие, непокорность, клад, душевность и легкость.

Человек

человеку – доброта, попытка, путь, порой, проверка на стойкость.

Человек

человеку – брат, товарищ, невесомость.

Человек человеку – друг, жизнь и настоящая

Гордость!

Если вздумаешь обидеть меня, то стреляй сразу в голову

Если вздумаешь обидеть меня, то стреляй сразу в голову. Сердце мое не
страшится ни копья, ни секир, лишь безжалостного в голову выстрела.
Меня, правда, не возьмет ни свинец, ни яд, ни олово – и это абсолютная,
непреложная истина.

Если вздумаешь обидеть меня, то стреляй сразу в голову. Сердце по —
прежнему будет верить в нутряной свет и мистику. Если вздумаешь
покинуть меня или подвергнуть голоду, холоду неистовому – я все приму
и пусть на душе бесы хоть целую щель

Выскребут!

Закатай меня в бетон, оставь неузнанной и непризнанной – сердце мое
примет все, от последнего испытания до единственного.

Если вздумаешь обидеть меня, то отправь в дальний путь, пусть дорога
будет тяжела да преградами выслана. Предложи добывать золото трудом
каторжным или сталь выплавлять, глядя на огонь пристально,
нагони на
меня лукавого и нечистого – сердце мое все переживет и за все простит
тебя мысленно.

Позволь себе даже избавить меня от роли «избранной», сердце примет все,
от такого как ты Мистера – далекого и неизбежно близкого.

Сделай из меня добытчика руд.

Пусть меня истерзают да бранным словом нарекут – сердце мое не испугается. Сердце мое, пережившее горечь отчаяний и противоречий
бунт, – сердце мое не страшат ни розги, ни кнут,

Ни желчь, ни яда фунт.

Сердце мое ничего не страшится, хоть закатай его в грунт, хоть
устрой ему
страшный суд, делай что хочешь, насыпь на него соли пуд –
истерзай.

Сердце мое не испугается.

Сердце мое – труп.

Если вздумаешь ранить меня, то стреляй сразу в голову. Моя
искренность —
донага.

Если надумаешь очернить меня, помни – я чистая. Если
надумаешь все
забрать, забирай, я все отдам, ибо

Бескорыстная.

Ты не сможешь не проклянуть меня, не высмеять,

Если вздумаешь обидеть меня, то тебе нужно лишь выстрелить.

Ибо пред всем остальным

Сердце способно

Выстоять!

Значит, не все еще потеряно

Но если есть чудо, свет и совершенство, гармония, исток
Божественного
начала и блаженства, если есть благородство и чародейство, магия,
волшебство, если есть любимое действо, если есть люди,
понимающие с
полуслова, с полувзгляда и полужеста,

Если есть женщины, лишённые лицемерия и прелюбодейства,
преисполненные добродетели, женственности и кокетства, если
есть
юноши, не измеряющие любовь купюрами и денежными
средствами, если
есть добро и мир, безвозмездная простота, лёгкость детства,

Значит, в этом мире для меня

Есть место.

Если есть чувство, смысл, если можно ещё отдать дань стихам,
безмятежным прогулкам и дрейфующим кораблям и если кто-то
ещё
придаёт ценность огням, горящим в поднебесном таинстве
распутникам и
вождям, и если есть смельчаки, отданные душевным страстям,

И если есть исток, что даёт жизнь отрогам и мхам, и если есть
Творец, что
вытачивает рельеф по скалам и подсыпает песок к берегам, и если,
правда,
есть кто-то, кто даёт сознание деревьям, людям и создаёт форму
камням,
и если есть высшая сила, что дарует величие императором и
королям, и
низвергает в преисподнюю фарисеев и подонков, превращая их в
хлам, и если
Кто-то ещё прислоняет свой лоб к иконе и поклоняется при входе
в храм,

Значит, этот мир ещё не трещит по швам.

И если кто-то ещё способен добиваться всего сам, а не калечить
и идти
по головам, и если кто-то ещё способен любить ответственно и
сильно,

признаваясь поступками в чувствах, ибо сокровенное – не по
словам,
и если кому-то еще пути любви и поиска – по стопам, если кто-
то еще
способен протянуть руку к звездам и довериться мечтам,

Значит,

Стоит поблагодарить жизнь и время, что нам

Отмерено.

И если Кто-то еще руку протянет, когда ты будешь у края, а все
содеянное
будет растрчено и разменяно, и если у людей остались еще добрые
помыслы и чистосердечные намерения

То стоит поблагодарить жизнь и возможности, что нам в руки
вверены.

Ведь, значит,

Не все еще потеряно...

Верни меня в детство мое

Верни меня туда, где добродетельны пути, где марципан и восточный купаж. Верни меня туда, где покой и земная блажь, где дома без замков, в коих нет ни собак, ни страж, верни меня туда, где любой человеческий недостаток – мираж, где всякое застолье – воплощенный в исповедь пир, а не в хмельной смуте кураж.

Верни меня к тем, кому чужда зависть и злость, у кого на столах медных бусен горсть. Верни меня туда, где я самый желаемый гость, где на блюде ягоды красны, словно рябины гроздь.

Если буду падать, там протянут мне трость, если одолеет неведомая хворь, напоят меня лечебным снадобьем, чтобы лучше спалось, чтобы во снах все желаемое – сбылось, верни меня туда, где у каждой из принцесс — бабочки летят с волос, где у каждого юноши в сердце – Христос.

Верни меня туда, где любое стремление бы мне удалось, верни меня к тем, кто видит всю суть мою – насквозь, кто предлагает реальной помощи, а не алкоголя и папирос, побереги для меня самую прекрасную из

Роз.

Верни меня в царство без боли и слез.

Туда, где Атлантида по-прежнему царский остров, полный забвения и грез. Пока в груди достаточно слов, а сердце цветущий утес, побереги для меня мне подобных, тех, кто позаботился о сердце моем, верни меня туда, где на небосклоне достаточно для желаний звезд.

Верни меня в детство мое.

Где мальчик, что целовал

Взасос,

Ни на минуту не дал усомниться,

Что все

Всерьез.

Мне знакомы люди

Мне знакомы люди, внутри которых черная смоль. Каждый из них даже не знает толком, почему такой – то ли оттого, что пережил каторжную боль, то ли от неурядиц, что путь к счастью преградили стеной. Тот, кто не знал мечты и добродетели, странствует по жизни, словно слепой.

Мне знакомы люди, что даруют тишину и покой, когда кто-то из них касался меня рукой, я чувствовала и бриз и прибой, хотелось говорить с ними наперебой, делиться и радостью и бедой. То ли я шла за ними всю жизнь, то ли жизнь вела меня к ним незримой тропой.

Мне знакомы люди, проклятые своей судьбой, с печалью на челе, влачащие срок земной, словно ожесточившиеся воины Второй мировой, они переживают каждый новый день, словно новый бой. По вечерам с работы возвращаясь, будто бы с передовой. Недовольные кровом, детьми и женой.

Ну и, конечно же, в первую очередь собой. Эти люди болеют жизнью, словно чумой...

Мне знакомы люди, которые встречают каждое утро в благодарности за все сущее, свободные, как всплеск волны, как ветер степной, кажется, они всегда будут жить в сердце, и невозможно представить, что однажды в их честь придется выпить за упокой...

Мне знакомы люди, что готовы за своих стать стеной, за Родину и честь ответить головой, через принципы которых не преступить никакой ценой.

Мне знакомы те, кто хоть из плена, хоть из земли сырой найдут способ выбраться и снова встать в строй.

Мне знакомы люди, что сплетничают, слывя в зависти, гудя, как пчел рой.

Обескураживают сквернословной строкой и готовы опорочить всякого,
наговорив на него с лихвой.

Мне знакомы люди, что живут мечтой.

И я радуюсь всей своей душой, когда встречаются их в поездах, в маршрутках, на мостовой. И я мечтаю вместе с ними, и это дарует мне
чувство, что я

Живой.

Мне знакомы люди, ибо я гуру человеческих душ и порой я заглядываю
в сердца их, чтобы прежде всего понять, кто я такой.

И каждый, с кем я, так или иначе, коротаю путь мирской, отражение
меня самого. Каждого встречного я вскармливаю разной пищей, кого-то зловонной тьмой, забвением и тоской, кого-то добродетелью,
искренностью и простотой.

Есть те, для кого припасены мечи за моей спиной, есть те, к плечам которых я прильну щекой, есть те, кого люблю, и те, к кому прихожу
с душой пустой

И уйду с пустой, поражаясь черствости людской.

И вы знаете, я искренне верю, что каждый в существе своем не хороший,
не плохой,

Ибо не бывает хороших и плохих, бывает только твой человек

И не твой...

АНТОН ЗАБЕЛИН

Поэт

Поэт – всеведущ, и за ним идут другие...
Антон Забелин

«Без ожиданий...»

Без ожиданий
Без сна и молитвы
Стынет вода посреди пророчеств
Посреди непохожих минут посвящения
Пронзительно крикнет
Споет вослед прошедшему
Изменчивому
Как игра теней
Им снится, что они умирают
Прямо здесь, на песке
Где мы с тобой целовались
Медленно, словно нащупав рану
Вода забирает следы
Оседая на камнях
Бесполезно мириться с прошлым
Оно теряется в голове
Пересиливает
Не уберечь
И снова перед глазами

Встает

«Ласковый голос...»

Ласковый голос
Забиться на середине
Он прячет тебя от плена
Смеется
Несбыточный
Разрисованный мелом
Как мягкий профиль рассвета
Иней, стертый в песок
Ответ посреди пророчеств
Он твой, разбирает маски
Вытягивая невпопад
Только разжать руку
Хмурится белый день
И тени ушли к обрыву
Я снова остановился
Между камней
Проснулся
Увидел твой свет наяву

«Вздохнуть и пропасть...»

Вздохнуть и пропасть
Не замечая снега
Шелестом рук
Нетерпение
В бокалы льется
Воспаленное
До крови рвется
Раздвигая запреты
Там, где бьются
Пульсируют
Глянцевым фосфором города
Катится капризное небо
Сметая
Увековеченные ожидания
Без причин и коротких замахов
На светлом фоне эпохи
Стонет
Летит безбрежное
Хватая за горло
Одураченных
Собственной красотой
Пробуй
Твой взгляд безопасен
Не стой

«Довериться взгляду...»

Довериться взгляду
В чертогах пугливого лета
Неудержимо плещется
Возвращая желанное
Сквозь пустоту пророчеств
Пестрое время ночи
Словно из ниоткуда
Меня рисунок дней
Близится
Возвращается утраченное
Что щекотит памятью
Заставляя тебя засыпать
Заметать пустоту настоящего
Искажая
Разъятые символы страха
И только узоры неба
Не помнят пустых движений
Радостью постижения
Выворачивая наизнанку
Темные берега забвения

«Запредельный звук марша...»

Запредельный звук марша
Танец дождя на мокрых крышах
Посмотри как пылает
Забудешь дыхание ветра
Осторожно, мы еще здесь
Еще боимся разлуки
Ходим, гремим волосами
Наваждение наоборот
Босыми ногами в прорубь

«Запахнувшись в знакомое...»

Запахнувшись в знакомое
Не расслышать
Застенчивый вздох
Появления
Укрывая движение
Прятать в рукавах ненастье
Незаметно
Расставив руки
Ждать приближения
Не добравшись, смеяться
И так удивленно смотреть
Как торопятся
Пытаясь вернуть
Запоздалое
Детские губы

«Знакомство вслепую...»

Знакомство вслепую
Радостный ветер
Обжигает ноги
Колышет спокойно
Томит
Внезапным переливом ночи
Спокойнее чем прежде
Увы, они стали умнее
Как эти слова
Что щебечет
Рассеянный пастырь
Они не успеют
Слеза упадет на черное
Прости меня, я не здесь
К мечтам привыкают рано
Как к солнцу
Распущены пряди
Наивен лоскут в ожерелье
Как память воды в зеркалах

«За спиной у мира...»

За спиной у мира
Неведомый таит
Полет обещаний
Там, где холодно
Мы теряем равновесие
Растрянно комкая
Узоры названий
Прыжком вымеряя овраги
Мы бредем
Замедляя шаги
На болотах
Свинцовое небо
Дарит возможность укрыться
Остановка в пути
Словно долгая песня покоя

«Роняя колени...»

Роняя колени
На красное солнце ушедших
Беззащитная тьма
Сожаления
Вернет намеренье
Неумолимых рук
Не оборачивайся
Сколько еще желаний
Выплеснет эта строчка
Я прошу
Вытаптывая снег
На твоих рубинах
В голосе умирают слезы
Видишь?
Эти красные тропы
Не вспомнят
И движение, хрустальное
В твоих рукавах
Жаждет
И потом
Разукрашенный
Я войду в эти волны
Спрячь и сорви это небо
Источающее покой

«Обретая надежду...»

Обретая надежду
Торопятся верить
Из темноты горизонта
Выдавливая наружу
Неуловимые грезы
Обрастая причинами
Стареют прикосновения
Словно вены
Катятся по руке
Торопливые взгляды
Неподдельные образы
В густоте имен
Впечатывают невпопад
Изменения
Страх выбивает почву
Молчаливым приговором звезд
И скоро ничего не останется
Только голос
Вернувший тебе награду

«Прижатый временем...»

Прижатый временем
Ледяной морщиной неба
Ослепший от тишины
Одиночества
Неистово бьешься
В стремлении отвоевать себя
Расстояния обновляются
Полетами чаек
Отмеряющих сердце дождя
Посреди наваждений
Забывших часов покоя
Мелодией страха
Выдыхают желание в пустоту
Привычкой наползают фразы
Бесполезные
Осыпаются монеты
На побережье лета
Сухие корзины
В проемах унылых стен
Обращение поневоле
Разницы не уловить
Не выдержать
Пустоты ожидания
Размеренный бег седоков
Картины признания смазаны
И только случайно
Сходится
Рукой отпущенный
Беспечный
Как возглас безумца
Ребенку приснившийся
Шанс

«Сладкий образ...»

Сладкий образ
Немого предчувствия
Плещется, затихает
Незаметно вдавливая
Отпечаток нового чувства
Пленя незванными
Оттенками грусти
Странная память
У тебя в волосах
Прячет наивную простоту
Первого шага
А потом подхватывая
Сбитую гордость
По знакомому следу
Взметнется искрами
и унесет
Постигать новую правду
Ветра
И серебряных бус покаяния

«Качается солнце на пристани...»

Качается солнце на пристани
Слезой околдован маяк
Что-то спросил, что-то выпросил
Что-то сказали не так

И заплелось, запечалилось
Сердце в стремнине дней
Старый мотив не кончается
Если бежать все быстрее

Только однажды осенью
В море уйдут корабли
И неулыбчивый, с проседью
Ты понесешь эти дни

Вдаль до песчаного берега
Там, где застигнет нас ночь
Может, другого и не было
Только осенний дождь?

«Дыханье памятной заботы...»

Дыханье памятной заботы
Частичка брошенной судьбы
Мы все равно торопим обод
Мы все любви подчинены

И лишь придуманное страшно
И лишь проснуться тяжело
Все эти ритмы, все неважно
Смотри, чтоб время не ушло

«Забыв нечаянную осень...»

Любимой

Забыв нечаянную осень
Мы солнце ждем издалека
На побережье, между сосен
Щека к щеке, в руке рука

Как знать, быть может
Жизнь готовит
Мелодию давнишних дней
И безмятежно сдвинув брови
Мы снова отдаемся ей

«Заката раненый янтарь...»

Заката раненый янтарь
Расплавил небо на пороге
И осень долгая на вдохе
Нам раздает обрывки тайн

И голоса уходят вдаль
Плывут как тени над водою
И чувств заветных нам с тобою
Не удержать в груди пожар

«Неутомимо и печально...»

Неутомимо и печально
Ложится ночь на карту дней
И год проходит как молчанье
Сметая пыль с календарей

О чем молчать? Что все пропели
Чужие мысли разгадав?
Что все снаряды мимо цели?
Деревья спилены в садах?

Или на миг остановиться
Чтоб потерять привычный грим
И с этим прошлым не смириться
Рванувшись по следам своим

И вспоминаются наверно
Пустые встречи и слова
Часы прибитые над дверью
И в окнах желтая листва

«Мы лежали...»

Мы лежали
И словно о чем-то грустили
Уходил пароход
Наползала тоскливая мгла
Где-то в небе
Таилась мечта и манила
Мы там были наверно
И солнце смотрело на нас¹

¹ Из книги «Под покровом тревожащих истин».

«Рыдающий хохот бурь...»

Рыдающий хохот бурь
И грозových раскатов
Перепады движения
Пустота перехода
Мы встревожены
Как нависшие слова над водой
Не надо укоров
И долгих причин предисловий
Среди ночи
Мы подбираем остатки
Неуверенных подвигов детства
Разумно ли это
Словно струны звенят города
Перепутья дорог
И холодные линии мрака
Между сверкающих сосен
Деловито осматриваясь
Надвигается осень
Подношения сделаны
Здесь теперь горячо

«Неудержимо движется...»

Неудержимо движется
Рассеивая ненужное
Безголосое время
Измельченное улыбками дней
Среди странных причин
И названий
Изменчивой памятью
Не разобрать настоящего
Ожидания сброшены
Словно окаменелые слезы
Неузнанных облаков
В просвете неба
Смешать все краски
И снова к тебе рвануться
Оторопело и искренно
Выискивая слова

«Сорваны шляпы...»

Сорваны шляпы
Напускного величия
Забыв свою слабость
Колеблется
Синяя гладь моста
Сбереженного не уберечь
Выкраивая впрок
Неумелые междометия
Размытые
Словно минуты на башне
Легко отрываются от земли
Облака
Прошлое проступает моросью
Неизбежных мотивов и лиц
Холодным стеклом
На рубеже ожиданий
Вода холодит пальцы
И где-то вдалеке
Я стою
Теряя в ней свое отражение

«Развенчать ушедшее...»

Развенчать ушедшее
В тишине на закате
Мелодия льется
Сияя снегом
Далекий шум покидающих сцену
Хрупкие звезды
Они не проснутся
Теряя лица в забытых бокалах
Блеклой похожестью смеха
Танцуй в подвенечном
Забудь эти звуки
Что плывут за стеклом
Эти слепки с набухших масок
Они привыкают
Размывая
Наивную прелесть мгновений
Этот город молчит
И чтобы уйти
Нам не хватит смешных обещаний
Они остаются
Мечтая уснуть
Под покровом тайны
Пробираясь к небу
Заглядывать в окна вселенной
За колокольнями
Притаился ветер
Мягко полощет лицо

Ника Ратомская

Поэт, композитор, певица.

Драма-лауреат Всероссийской поэтической премии им. Велимира Хлебникова «Послушайте!». Финалист Всероссийской национальной кинопремии «Страна-2012», голос и создатель московского музыкального шоу-проекта «Мантра». Член правления московской национально-культурной автономии «Дом Польский».

Соорганизатор международного культурного проекта «MoZaика. Соединяя миры».

...Поэзия – это состояние души и то самое Слово, с которого все началось. Когда единая вселенская Душа распустилась, подобно волшебному цветку, и выплеснула из себя окружающий нас мир в самом его прекрасном первозданном виде. И такой мир каждый из нас носит внутри себя. Дайте этому миру раскрыться, подберите для него подходящее Слово, и вы увидите, как вы на самом деле прекрасны.

Ника Ратомская

«Это такая шутка у нашей Вселенной...»

Папе

*Наша жизнь – это море. Едва ли оно по колено.
Но того, кто бесстрашен, Стихия хранит от невзгод.
И когда он сдаётся и падает в пропасть Системы,
Одиссей подаёт ему руку и тянет на борт.*

Это такая шутка у нашей Вселенной,
Будто она считает, что мы – атланты.
Можно вложить нам в руки родную Землю
И наблюдать – насколько потом нас хватит.

Я, как и ты, не сдаюсь, потому что верю:
Каждому груз дается, как жизнь – от Бога.
Если ж сумеешь любовью измерить время —
Вечность, пожалуй, это не так и много.

«Голос твой – пенчик в кармане у маленькой феи...»

Голос твой – пенчик в кармане у маленькой феи.
Чуть всколыхнешь – и порхает, как взрослая птица,
Пыль золотую на всех оставляя ресницах,
Запах жасмина на коже и – привкус шалфея.

Жизнь просыпается. Зелень играет на солнце,
Словно оркестр из тысячи крошечных скрипок.
Мир состоит не из боли – из детских улыбок,
Просто случается так, что никто не смеется.

«Собери меня по крупинкам из давнего прошлого...»

Собери меня по крупинкам из давнего прошлого,
По частицам, кристаллам, фрагментам, по именам.
Собери на ладони меня, как цветов семена,
Что цветут только в Памяти. Нужно держать осторожно.

Собери мое тело из шелковых лоскутков,
Из заморских тканей будто – как вспышку цвета.
Ты потом заглянешь в этот калейдоскоп
И, возможно, тоже найдешь для себя ответы

На вопросы, которые мне не дают уснуть.
Красота, к примеру... Что если корень в нищих
Не увядает, а прорастает в самую глубину
И врастает им прямо туда, где никто не ищет?

Что если ум и разум имеют двойное дно
И открывающий тайну обычные видит звезды
И никогда не теряет связующее звено,
А просто становится ближе к Тому, кем создан?
Рядом с Ним наши страсти все выглядят, как возня.
Если это не так – собери меня,
Так, как будто впервые в грудь набираешь воздух.

«Я не знаю, дарят ли розы прекрасным принцам...»

Я не знаю, дарят ли розы прекрасным принцам.
Говорят, что мужское дело – броня да войны.
А мне так приятно видеть у них в петлицах
Красоту из мира, где судят не по обойме.

Мой прекрасный принц явился ко мне из сказки.
Про таких героев Спилберг снимает фильмы.
Но мой принц не в курсе, что где-то проходит кастинг,
Да и я-то в общем – не то чтобы героиня...

В нашем замке живут драконы, играют страсти.
В нем идут приемы, ночами звучат стихи
Непонятные только завистливым и глухим.
Говорят, в этот замок порою заходит Счастье.

И никто не признается, дорого ли одето,
До утра ль сидит или просто успело к чаю.
Но мой принц из тех, кто и в малом души не чаёт,
Потому его счастье похоже на бабье лето.

Да, заметит каждый – мой принц не молод.
Но – он сердцем юн, словно лучник в стране Морфея,
Где неожиданным гостем слывет лишь зубная фея.
И поэтому Вечность его стороной обходит,

Серебря виски. Но я вижу в том долю шарма.
Этот шарм – он скорее к лицам прекрасным принцам.
За такими носят шлемы и амуницию
Кто угодно, но главное, что – не мама.

Красота начинается там, где гордятся этим,
Открывая ее в себе, находя причину.
Мой прекрасный принц, он достоин всех роз на свете!
И не надо его упрекать в том, что он – мужчина.

Лазарь

Поцелуй мне глаза, как умеешь лишь Ты.
Чем унять эту дрожь? Многоликий ковбой,
Я себя уверяю, что это – мечты,
А другие мне зуб дают, что это – боль.

Боль от глупости собственных мыслей и слов,
Тишиной выдаваемая за мигрень.
Я себя уверяю, что это – любовь.
От любви – говорят мне – нельзя умереть.

Я не спорю. Я знаю, что – нужно терпеть.
И почти не могу. Я не в силах – увы.
А другие мне шепчут, что там, где есть смерть,
Кто-то хочет, скорее, чтоб я был живым.

Кто-то хочет, чтоб я оставался таким
До тех пор, как в камерке не выключат свет.
Поцелуй мне глаза, убери пятаки.
Мне пора. Дай мне руку. В ногах правды нет...

«Есть под закрытыми глазами...»

Есть под закрытыми глазами
Дверь в никуда
Из ниоткуда.
Никогда
Которую нам не откроют,
Пока мы не откроем сами.
За дверью – там, под небесами,
Жив каждый звук,
Из тех, что часто мы не слышим,
Забравшись суетно и выше
В прикосновенье чьих-то рук
И чьих-то просьб или ошибок,
Что часто сами же вершим мы
И тот багаж несем к двери.
Как часто нужно видеть крест,
Чтоб научиться говорить,
А не выкрикивать с порога
О том, как с нами все теперь.
Есть под закрытыми глазами
Одна не отпертая дверь.
Туда, где наше искупленье,
Но где не нужно на коленях
Стоять.

«Я не буду тебе говорить, как сжигают мосты...»

Я не буду тебе говорить, как сжигают мосты.
Ты, наверное, знаешь и сам, что такое огонь.
Я пыталась не раз и не два догореть и остыть,
Догореть и простить и не рушить вокруг ничего.

Я пыталась, и многие видели радужный миф
И мечтали прожить в этой сказке свой пасмурный век,
Забывая о том, что и миф превращается в мир,
Если мир этот строит не Бог, а живой человек.

Я мечтала построить дорогу в такие места,
Где еще не кипела застройка под чьи-то дворцы.
Мне казалось, что музыка вечна, а правда проста
И что звезды на небе – как Господа леденцы.

Он роняет их с неба в ладони всех тех, кто готов
Их поймать, кто упорен и смел и в ком вера сильна.
А потом на руинах великих времен и эпох
Чьим-то детям дают их простые на слух имена.

Я была из таких. Я сияла как солнечный луч.
Я была выше тех, кто с князьями возился в грязи.
Я построила рай в техногенном пространстве. Под ключ.
Не заметив в восторге, как рай превратился в бензин.

И когда полыхнул этот феникс, срывая покров,
Как защитную маску с чужой застаревшей привычки,
Говорили, что воздух рванул из-за крошечной спички.
И, конечно, никто не поверил в такую любовь.

Говорили – я глупая, путь избрала я ко дну.
Поделом мне за все, что я есть: за полеты во сне
И за то, что я жизнь выбирала себе не одну,
За пример мой и путь, за размах и попытки краснеть!

Я не помню тебя, но я знаю – ты был среди них,
Среди тех, кто судил, как мне жить и когда умирать.
Я не в силах тебя упрекнуть, ибо мы не одни,
Кому дан этот выбор и право дано выбирать.

Часто мы выбираем, надеясь, что выбор спасет,
Просто он неисправен. Ты слышал, что где-то извне
Вроде есть сторона, на которой работает все.
Но не дай тебе Бог оказаться на той стороне.

«Я боюсь, что кумиры приподняты...»

Я боюсь, что кумиры приподняты.
Я боюсь, что за смертью – стена.
Я боюсь оказаться непонятой
И что правда – одна.

Я боюсь, что не хватит идей,
Чтоб закончить неначатый круг.
Я боюсь нерожденных детей
И от детства родивших подруг.

Я боюсь, что сбывается все.
Даже то, о чем страшно просить.
Я боюсь, что устану просить
И желание меня не спасет.

Я боюсь, что когда я смирюсь
С тем, что нет здесь другого пути,
И тебя вдруг возблагодарю,
Ты согласишься мне прямо в глаза
И ты скажешь: «Прости...»

«Эти редкие встречи – как тонкое пламя свечи...»

Эти редкие встречи – как тонкое пламя свечи:
Вот оно, очевидно, как то, что есть Бог.
Он лепил нас с душой и старался нас не разлучить.
Но потом передумал. И стало по Слову его.

Я тебе говорю все, как есть, не меняя слова.
Не лукавя, не брезгуя самой нелепой из правд.
Что случилось с тобой? Разучился меня узнавать?
Или просто привык к тому, что ты каждый раз – прав?

Я не знаю, когда это было. Я – странник. Я – гость.
Я пришла так давно, что не в силах постигнуть, зачем.
Но я помню, что там, где потом становилось темно,
Я не раз и не два на твоём засыпала плече.

Сонет № 10

Ты говоришь, что тайна Мироздания —
Крыло огромной бабочки, а мы —
Крупницы перламутра. Наше пламя —
Искра в руках у девочки-зимы.

А я смеюсь: какое ж это счастье —
Быть искрой от вселенской красоты.
Ты говоришь, что бабочка прекрасна,
А я – что не прекраснее, чем ты.

И смотрит Бог, как наступает вечер.
И просит Бог, чтоб были все людьми,
А я прошу его, чтоб эта вечность
Была б у нас еще хотя бы миг.

Волшебный миг симфоний наших тел,
Где бабочки порхают в темноте.

«Герой нашего времени» (с)

Мир сегодня, как женщина, молча идет к алтарю.
Технотронное варево ест нашу печень и вечность.
Дорогой человек, да ты болен совсем, я смотрю.
И помочь мне тебе в этом горе решительно нечем.

Если прежде мы все выбирали какой-то исход,
Между злом и добром разрываясь, как чуткий любовник,
То у нас была правда, мотивы и следующий ход.
Посмотри, кем ты стал. Что ты любишь? И – где твои корни?

Что ты знаешь о людях – истории из Сети?
К ней ты прочно прилип всей душой, как случайная муха.
Ты бы мог быть Граалем и Господу душу нести,
Не боясь расплескать от чужого падения духом.

Только ты почему-то забыл, для чего был рожден.
Ты бы мог быть царем, но ты к стулу прирос, словно к трону.
Извини, мой любимый, тебя миновала корона.
Жаль, что ты не вставал, а уже навсегда изможден.

Что тебя занимает? Чужие походы и страсти,
И чужие постели, и судьбы невинных детей?
Ты бы мог рассказать этим детям, что есть только счастье,
Но ты пишешь о том, что мы все рождены в темноте.

Книга странствий

Глава 1. Сахара

Здравствуй, Сердце мое. Я вернулся. Как ночь нежна!
И Пустыня под ней раскинулась девой томной.
Мы еще не спим. Я лежу у Нее в ладонях
И ищу среди звезд знакомые имена.

Говорят, когда мир рождался, я падал вниз
И песок вокруг собирался в цветов бутоны.
Там, где я упал, меня ждал остроухий лис.
Он шепнул: «Мой, принц, ты теперь далеко от дома...»

Я был нем и гол и не знал, что ему сказать.
Пустота звала и лишала меня вопросов.
– Не грусти, мой принц, – лис поднял на меня глаза,
А затем привстал и лизнул меня в кончик носа.

Много зим прошло. Я все реже смотрел наверх.
Я пошил пиджак, изучил язык, обзавелся Делом,
Преуспел, описал все в книге... В седьмой главе
Я забросил бизнес и вышел затем из тела.

Я пришел в мой сад, наступая на шелк песка.
Говорят, здесь когда-то были живые розы...
Сколько было мне до того, как прошли века?
До того, как я начал верить и стал серьезным?

Знаешь, Сердце мое, здесь такие порой цвета!
Я хотел бы, чтоб ты увидела это небо!
Я хотел бы, чтоб ты узнала, что жизнь проста,
Если в ней замечаешь больше, чем боль и небыль.

Мы живем, как боги – вдали от страстей и бед,
Поливаем камни в надежде увидеть корни.
Только лис уверен, что розы цветут – в тебе
И готов поспорить, что ты ничего не помнишь.

И когда я швыряю лейку, крича, что ждет
Невозможного лишь блаженный (какая проза!),
Лис твердит: «Мой принц, увидишь – Она придет!»
А потом на его глазах выступают слезы.

Глава 2. Кейптаун

Здравствуй, жизнь моя! Я не умер, но я – в раю.
Здесь у каждого дирижабль стоит на крыше.
Здесь такое море, что кажется – в нем поют
Даже те, кто звуков вообще никогда не слышал.

Далеко-далеко от берега песнь слышна.
Корабли парят, как бабочки над волнами.
А на крыльях алым вышиты имена.
Если долго смотреть, то кажется – вспыхнет пламя.

Здесь писатели ищут Слово и пьют вино.
И куда ни глянь – их герои сидят под тентом.
Хемингуэй уехал отсюда давным-давно.
А старик остался – приходит на пирс с рассветом.

Я спросил старика однажды: «Отец, скажи,
Что тебе ловить? Ты бессмертен. Не пьешь, не плачешь...»
А старик ответил: «Сынок, я ловил всю жизнь.
Но конец один был. Теперь я ловлю удачу».

Знаешь, жизнь моя, по ночам здесь в морской воде
Бог купает звезды, высыпая их из подола.
Как бы я хотел показать это все тебе!
Эти волны, закаты, праздники и атоллы!

Говорят, здешних женщин слезы на вкус, как сок
Винограда спелого. Люди не знают жажды
В этом краю. А зимой здесь лежит песок.
И над каждым домом реет свой змей бумажный.

По утрам здесь целуют в губы, как в первый раз:
Не предвидя бед, не ломая рук и не зная горя.
Здесь друг друга любят и не закрывают глаз,
А затем выпивают мед и уходят в море.

Глава 3. Индия

Здравствуй, милая. Впереди у меня маршрут
Долгий и крутой, словно поиск Бога.
Я не помню, где я уснул, но проснулся – тут.
То ли век проспал, то ли выпил корыто грога.

Мой камзол в пыли, словно мир про меня забыл.

И деревья вокруг будто выросли вверх корнями.
Если в прошлой жизни я кого-то вообще любил,
То, похоже, однажды его у меня отняли.

Солнце жжет виски, а в сиянии его лучей
Вижу улицу, по которой пройти не в силах.
Сколько тут людей! И огней в их глазах не счесть!
На запястьях звенят браслеты. Как здесь красиво!

Если б мог я встать – я бы тоже пустился в пляс.
Закружился б вмиг между красочных женских юбок!
А когда мы с тобой танцевали в последний раз,
Ты меня целовала страстно в сухие губы...

В ореоле праздника вижу твое лицо...
Но пейзаж меняется. Краски стремятся слиться.
Слышал как-то: обидишь Бога – родишься псом
На задворках в Индии. Там хорошо молиться.

Интересно, а что бы на это сказал мой Пит?
Если есть он, собачий рай, то какой он с виду?
Если можно переродиться, а не уходить,
Нужно ль ехать в Индию для того, чтоб прочесть молитву?

Знаешь, милая, если есть он, последний шанс,
Он, возможно, дается здесь, на краю Вселенной,
Где приходится крышей дома небесный шар,
Где в грязи есть шарм, а в любви не бывает меры.

Полюбивший раз здесь едва ли любить устанет.
Если выйдешь весь – просто скажут, что ты в пути.
Если ты придешь, а меня вдруг совсем не станет,
Просто знай, где ты точно сможешь меня найти.

Глава 7. Хула. Галилея

В Галилее прекрасно, мой друг! Мое сердце поет.
А в полях, между гор, журавли суетятся, как дети.
Я встаю очень быстро теперь и почти на рассвете.
И приветствую жизнь. Я так долго не знал про нее.

Я считал – в ней борьба. Пил за флот, за победу и Оскар,
Что давали в награду за видение этой борьбы,
И способность другим показать. Я насытился вдосталь.
Я устал быть героем и очень хочу – просто быть.

Быть собой. Жить – любя. Понимать, что такое свобода.

И не видеть мечтами о ней лишь изъеденных лиц.
Я встаю по утрам, а вокруг меня тысячи птиц.
Это лучше, чем все, что я видел за все мои годы.

Голова как в тумане и синие-синие горы
Облака подпирают, держа их в незримых руках.
И плывут над полями драконы причудливой формы.
И летят сквозь них птицы, как будто на луч маяка.

Я смотрю в это небо и вижу, как мало для счастья
Нужно в принципе тем, кто всего лишь умеет летать.
Что мы можем им дать, этим птицам? Зерна и участия
В их прекрасной свободе, что так далека и проста.

Далека от нелепостей наших невзгод и законов
И проста, как окружность полей, где растет лимонграсс.
Ходят птицы в полях и летят над полями драконы,
Охраняя их рай от чужих и завистливых глаз.

Галилея прекрасна, мой друг. Здесь я вновь убедился
В том, что жизнь есть цветная спираль, а не замкнутый круг.
Я не помню, каким был задуман и кем я родился.
Но я, кажется, знаю, кем стану, когда я умру.

Глава 9. Сахара

Здравствуй, милая. Караван мой почти ушел.
Я спешу за ним, словно это – последний поезд
И идет он в Вечность, оставляя незримый шов
На губах Пустыни. Здесь у жизни иная скорость.

Вроде сделал шаг, а прожил уже сто веков
И стоять бы мог, как в потемках иная глыба
И манить к себе... А душа во мне стала рыбой
И устало глядит на мир из моих зрачков...

И сдается мне – я не помню ни наших нег,
Ни единой муки. Все замерло, словно в тине.
Мой верблюд так бел, как бывает лишь первый снег,
Что порой и вовсе ложится лишь на картине.

Только розу здесь невозможно сорвать с куста.
Но зато любовь позволяет прожить без хлеба.
Если б я рисовал – я одел бы тебя в янтарь,
А затем раздел и любил бы под звездным небом.

Так и вижу, как ты улыбаешься краешком рта.

Да, нас всех учили: где стыдно – укрой от зрения.
Но в Пустыне я обнаружил, что нагота —
Это чаще внутри и отнюдь не сродни прозрению.

Что такое Истина: Действие? Жизнь? Исток?
Золотой песок? Подарок? Чужое время?
Я когда-то думал – Поэт – это как мосток
Между мной и Теми, кто может измерить время.

Оказалось, впрочем, что хуже страстей и бед —
Только речь. И в Пустыне я понял снова:
В этих песках, как в женщине... Как в тебе...
Есть красота, которую портит слово.

Глава 15. Джайпур

В этом городе солнце опасно. Особенно – блики.
Мне казалось – я слепну. А это был только вокзал...
Все сокровища делают здесь, к их сиянию привыкнуть
Может только слепой. А у зрячего режет глаза.

Лишь представь, ты идешь в мастерскую – и тысячи ватт
Освещают тебя, словно идола с чьей-то медали.
И хотя в этот миг ты всего лишь снимаешь сандалии,
Ты уже поддаешься всем чарам того волшебства.

Ты проходишь вперед осторожно, как вежливый гость,
А вокруг, точно в сказке Бажова, горят самоцветы,
И Жар-птицы, как будто насест, покидают браслеты,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.